

Д Е М Ъ Я Н
Б Е Д Н Ы Й

*Напаятка
ударнику*

*Слезай
с перекладин*

Г И В

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СЛЕЗАЙ С ПЕЧКИ

ПАМЯТКА УДАРНИКУ

**РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
А. ЕФРЕМИНА**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА. 1930 * ЛЕНИНГРАД**

ИЛЛЮСТРАЦИИ И ОБЛОЖКА ХУД. А. ЩЕРБАКОВА

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Валуевая, 28.
Главлит № А-75336. Х. 40
Гиз № 23114. Заказ № 2442.
Тираж. 15 000 экз. 3 п. л.

СЛЕЗАЙ С ПЕЧИ

Подать оплачена, хлеб есть, и лежи
на печи!

Хлебом не корми, только с печи не
гони!

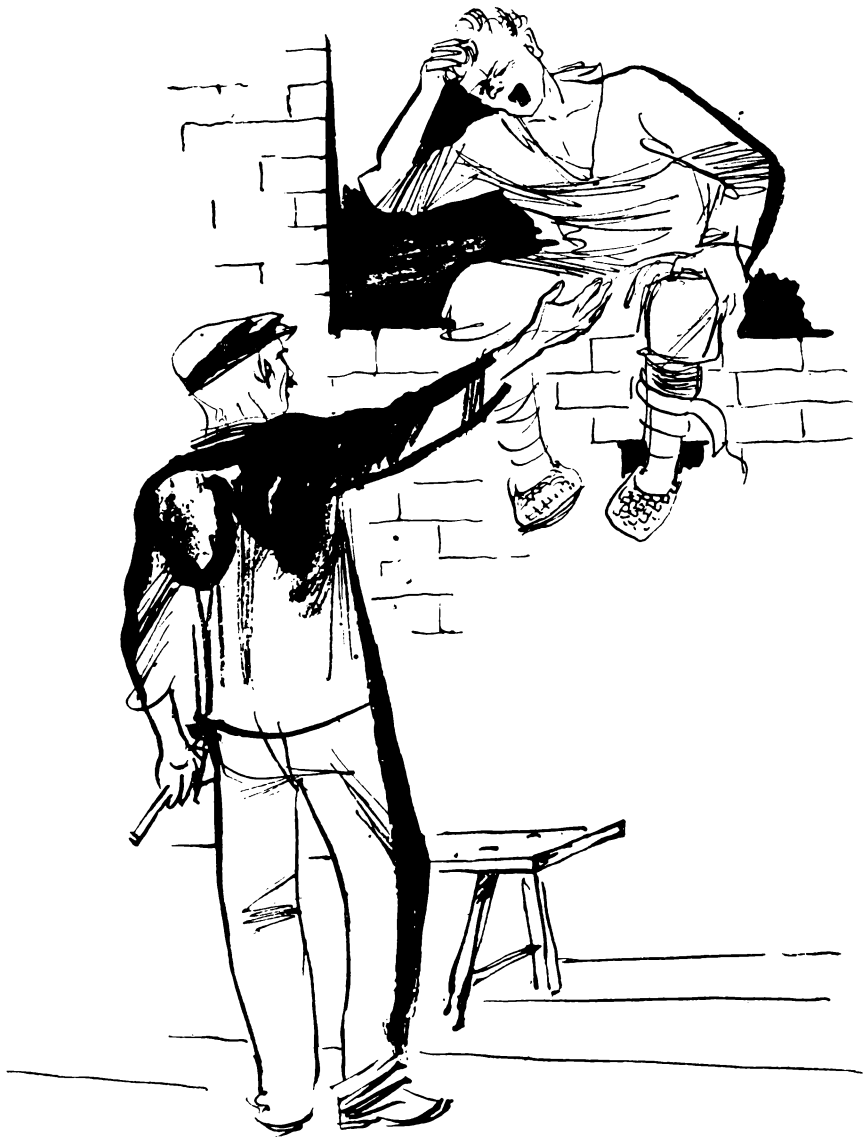
Печь нам мать родная!

*Добрые пословицы
доброто русского народа*

Пишем собственноручно:
— „В Донбассе неблагополучно!
Углекопный народ
Бредет вразброд,
Бежит и оптом и поштучно!“
В конце концов —
Десятки тысяч беглецов.
Случись это у иностранцев,
У американцев,
Немцев, французов, англичан,
Отвернули б мы кран
Словесного водолейства
Насчет буржуйского злодейства,
Кровожадного вампирства:
— „Довели углекопов до дезертирства!“
Наделали б мы крику
Буржуйам в пику:
— „Рушится капиталистический Ваал!“
— „Трещит буржуйская конституция!“
— „Позор!“
— „Разор!“
— „Развал!“
„Ре-во-лю-ци-я!!“

А у нас „хоть бы хны“;
Ни на ком никакой вины.
Такова, мол, донбасская участь:
Углекопы — вроде волны.
— „Утечка! Текучесть!
Отлив!“ —
В каждом слове — водица!
В чем же дело? Рабочий ли стал прихотлив?
Иль хозаппарат никуда не годится?
Утечка! Волна!
Чем-то вызвана все же она.
Кто ответчик за это?
Дождливое лето?
Нет спасения от мокроты?
Шахты все превратились в колодцы?
Как же так? Есть у нас трудовые фронты?
Есть на них полководцы?
Как же! Есть
И в количестве даже не малом.
Нам наемни в газете пришлось прочесть
О самоотверженьи их небывалом,
Увенчавшемся... полным провалом.
Лапти им, полководцам хозяйственным, плесть!

...Половина шахтоуправлений работает самым безобразным образом... Механизация проводится в шахтах из рук вон плохо, преступно, по оценке приехавшего сюда председателя «Союзугля» тов. Шварца. Многие врубовые машины стоят без дела. Те, которые работают, дают полноремы. Рабочая сила до сих пор не расставлена по-новому, с учетом нехватки рабочих... Никто не пытался до сегодняшнего дня организовать совещание с кадровыми рабочими по вопросу

о методах ликвидации прорыва. Рабочие забыли, что такое производственное совещание, а администраторы и техники по полгода (есть такие факты!) не только не заходили в казармы, но даже в шахты не спускаются.

«Известия ЦИК СССР» от 1 сент. с. г.

Полубуйтесь! Вот они где
Ру-ко-во-ди-те-ли!
Кто держаться так может спокойно — в беде?
Расчетливо — тонкие наши вредители
Иль — того повреднее! — расейские шляпы,
Неизлечимые головотяпы?
Навербованных по деревне батраков,
Землячков,
Новичков
Поезд к угольным шахтам привез издалеча.
Что же? Их ожидала сердечная встреча?
Полубуйтесь на эту картину:
Привезли ведь людей, не скотину,
За которой у нас всем известный уход:
Хорошо, коль живой доведут половину.
А ведь тут все же люди, не скот.
Ну, так вот:

Прибывшая 19 августа партия мобилизованных батраков провалялась на вокзале четыре дня. Никто ее не встретил. Не к кому было обратиться за справкой, куда дальше двигаться...

К станции подъехал очередной эшелон с батраками и комсомольцами... Единственно, что они слышат сейчас, это — голос станционного сторожа:

— Вылезь, на перроне спать нельзя!

Такова встреча.

«ИЗВ.»

Крики. Жалобы. Ругань. Толкучка. Бедлам.
Наконец-то — с грехом пополам —
Разместили в казармах — на койке, под мойкою —
Новобранцев породу нестойкую.
Разместивши, махнули рукой.
Проработки, заботы о них — никакой!

Никто с ними не ведет душевной беседы, никто не знакомит их с житьем-бытьем шахтера, никто не попытается дать отпор усиленно распространяемым кулацким сплетням о бесконечных подземных страхах, взрывах и завалах. Мобилизованные предоставлены самим себе.

«И з в.»

Наконец, в заключение,
Происходит „учение“,
Запугиванье — это будет верней —
Деревенских парней:

За час до спуска в шахту приходит техник и отбарабанивает такую лекцию о технике безопасности и в таком «предупреждающем» тоне, что, действительно, становится жутко: не становись, не садись, не ложись! Сзади вагон, спереди газ, там огонь, здесь пыль,— хоть помирай!

«И з в.»

Новобранцы — кто день помотался, кто — два,
А потом — наутек! Погибать? Спаси, боже!
Что там уголь какой-то? Своя голова —
Дороже!
„Утечка“! Хиреет рабочий поток,
От бездарно-хозяйственных глаз утекая.
И сегодня в газете — все тот же свисток,
Тревожный свисток — телеграмма такая:

ВМЕСТО ЛИКВИДАЦИИ ПРОРЫВА ДОНБАСС ДАЕТ ПОЗОРНЫЕ ЦИФРЫ ДОБЫЧИ.

Харьков, 5 сентября. Первые числа сентября принесли новые увеличения прорыва в Донбассе. Ни разу еще не бывало таких низких цифр добычи: 54,2 проц. за 1 сентября, 60,3 проц. за 2 сентября и 61,7 проц. за 3 сентября. Даже в августе (наихудший месяц по выполнению плана) Донбасс в среднем давал 69—70 проц. суточной нормы.

Донбассантрацит и Севкавуголь стали сдавать позиции. Донбассантрацит, не спускавшийся в прежние месяцы ниже 80 проц., дал 3 сентября только 64,9 проц. плана. Севкавуголь, раньше отстававший от плана на 9—10 проц., дал 1 сентября 76,5 проц., 2 сентября 64 проц., 3 сентября 71,7 проц. задания. Остальные районные управления оказались сейчас на позорном уровне 50-процентного выполнения плана.

«Изв.» от 6 сент.

Вот как дело ведется!

Зачем же в газетах обо всем этом пишется,

Если это не всеми, как нужно, прочтется,

Если это не всеми, как нужно, услышится,

Если начисто мы не выметем вон

Всех, себя показавших в преступнейшей тактике,

Проявивших подлейший из подлых уклон

В напряженной строительной нынешней практике?

Уклон этот жуток.

С ним — совсем не до шуток:

Он — наш кровный, прилипчивый, свой!

Он — наследие всей дооктябрьской культуры!

У нас — расслабление всей волевой

Мускулатуры!

Мы — рвачи:

Мы, рванувши, с надрыва шатаемся,
За брюхо хватаемся
И — соломенные силачи —
Отпарившись в баньке, храпим на печи.
Храпим и сердито бормочем:
— „Прорывы на фронте рабочем?..
Текучесть!.. Нельзя без утечки!..
Не тяните нас с печки!..
Эх, абы да кабы
Во рту сами росли бы грибы!..
И, чтоб всё тебе — хлеб и одежда —
На печи этак лежал!..“
Сладкий храп и слюнища возжею с губы.
Идеал русской лени. В нем столько похабства
Кто сказал, будто „мы — не рабы“?
Да у нас еще этого рабства!..
Мы — словесные ухари. Сразу мы вслыхнем
И немедля сыреем и дрыхнем.
Дрыхнем, сидя — башка на руке,
Слюна по щеке...
Дрыхнем! Подлое слово, расейски-утробное!
Дрыхнем! Где, на культурном каком языке
Еще сыщется слово подобное?!
Ленивым присловьем богат испокон
Наш родной лексикон:
Сидень, увалень, телепень, лодырь, тетеря!
„Лежит на боку
Да глядит за реку!“
— „Дело что? Не медведь! Эх, всхрапнуть бы те-
перя!“
„На себя оглянуться“ давно нам пора б.

Кто охотник поспать-похрапеть, как не раб?
Освященный всей рабскою жизнью былою,
Русский храп был в чести: не какой-либо храп—
Богатырский! Звучит похвалою!
Чем не хвастали мы? Даже грязной килой.
Ничего, что в истории русской, гнилой,
Бесконечные рюхи, сплошные провалы,—
А на нас посмотри:
На весь свет самохвалы!
Чудо-богатыри!
Похвальба пустозвонная
Есть черта наша русски-исконная.
Мы рубили с плеча.
Мы на всё назывались.
Мы хватались за все сгоряча,
Сгоряча надрывались
И кряхтели потом на печи:
— „Нас не учи!
Мы сами
С усами!“
Чем— не только одни москвичи—
В дооктябрьские годы гордился?
Что показывать знатым гостям не стыдились?
— „Кто царь-колокол подымет?
Кто царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в кремле ворот?“
Носом землю— убогие, темные!— рыли,
А весь свет перекрыли:
Царь-колокол! Вона!
Первый в мире! Одначе, без звона!

Пушка — первая в мире! Царь-пушка!
Одначе, пустая игрушка
Для расейского глазу:
Не стреляла ни разу!
В кремле по священным углам
Стоял исторический хлам.
Расейская старая горе-культура —
Дура,
Федура.
Страна неоглядно-великая,
Разоренная, рабски-ленивая, дикая,
В хвосте у культурных Америк, Европ,
Гроб!
Рабский труд — и грабительское дармоедство
Лень была для народа защитное средство.
Лень с нищетой, нищета с мотовством,
Мотовство с хвастовством
Неизменное, вечное держат соседство.
Рабский труд развратила господская плеть.
Вот какое наследство
Надо нам одолеть.
Царь-пушка! Царь-колокол! Эти уроды
Торчат в наши бурные годы
Бесполезно, как ер-упраздненный и ять.
Но... неужто мы строим гиганты-заводы,
Царь-заводы, которые будут... стоять
Перед нами, отцов своих вялыми чадами,
Будут молча стоять неживыми громадами?!
Ноль на ноль — в результате Царь-ноль!
Так, родимые, что ль?
Приглядимся-ко лучше, не наша вина ли,

Что в упряжке у нас с коренными — беда?

Мы, везущие вяло и врозь, кто куда,

Перегрузкою Ленина в гроб мы загнали!

Можно Сталина тоже — туда!

Ерунда!

Всех работников лучших, трехжильных, везучих,

Хоть каким-раскаким будь он там силачом,

Нам загнать нипочем.

И загоним. И дело провалим.

К берегам заповедным мы не причалим

И сойдем с исторической сцены долой,

Как пустышки, лгуны, дураки, сумасброды,

Если не переделаем нашей гнилой,

Нашей рабской, наследственно-дряблой природы,

Если срока, нам данного, не прохрапим,

Не отбросим прохладцы своей и развалки,

Дисциплиной труда если не укрепим

Волевой пролетарской закалки!

Чтоб победы достичь и в труде, и в бою,

Чтоб с пути устранить и провал, и осечку,

Мы должны переделать природу свою,

А не хныкать, не лезть на „родимую печку“!

Герои труда суть герои труда.

Трудовой полководец есть ноль без геройства,

Два ноля — без заботливого беспокойства:

Всё ль в порядке? Не вторгся ль противник куда?

Враг не вбил между штабом и армией клина?

Крепка ль трудовая везде дисциплина?

Велика ли в жилье, в провианте нужда?

Нет ли где разложения

Иль отступления?

Не послать ли туда иль сюда подкрепления?
Разъясняющий
И вдохновляющий
Там иль здесь, боевой, может, нужен приказ?
И везде — полководческий собственный глаз.
А у нас
— Редкий вычет!
Редко виден хозяйственно-бурный экстаз! —
А обычно начальство растерянно хнычет:
— „Нет, с такими войсками я — пас!
Новобранцы! Куда мне они, новобранцы?
Деревенские все обос... дранцы!
Слепые,
Тупые,
Ругательные,
Насквозь несознательные:
Спецодежду, аванс забрали,
Инструменты — иные — украли
И с фронта удрали!

**БЮРОКРАТИЧЕСКИ ПРОВЕДЕННАЯ ВЕРБОВКА — ПЛО-
ХАЯ ПОМОЩЬ ДОНБАССУ.
ЗА ПЛОХУЮ ПОДГОТОВКУ К ПРИЕМУ БАТРАКОВ —
К ОТВЕТСТВЕННОСТИ.**

Харьков, 2 сентября. (Наш корр.). Утечка рабочей силы из Донбасса продолжается. Для пополнения рабочих кадров в Донбасс завербовано около 11 тыс. батраков. Но вся беда в том, что уже свыше 50 проц. батраков оставили шахты. Так, например, на шахтах Донбассантрацита из 2108 завербованных вернулись обратно 1158. На шахтах Артемугля из 1365 ушли 708. По отдельным шахтам положение еще хуже. На шахте № 6 Артемугля из прибывших

193 батраков ушли 138, а на шахте № 3 из 158 ушли 119. Нередко уходящие забирают с собой спецодежду и аванс, а на некоторых шахтах Сталинского округа были случаи, когда батраки забирали с собой инструменты.

«Правда» от 3 сент.

Забрали!

Украли!

Удрали!

К сему прибавляем мы в виде морали:

Причины этого заключаются прежде всего в том, что некоторые организации сельхозсрабочих отнеслись к вербовке по-бюрократически. Вербовка прошла в спешном порядке и при недостаточном классовом отборе. Уполномоченные по вербовке наобещали батракам разные блага (выдачу мануфактуры, бесплатную кормежку в течение месяца, выдачу дополнительных авансов). Были завербованы батраки моложе 18 лет и инвалиды.

Хозяйственные иже профессиональные организации Донбасса также недостаточно подготовились к приему новых кадров. Нет жилищ, не было организовано общественное питание, в казармах и общежитиях отсутствуют постельные принадлежности. Рудничные и поселковые советы отказываются ремонтировать казармы, в которых проживают батраки. В казармах — теснота и грязь.

На очереди прием новых 70 тысяч рабочих. Хозяйственные, профессиональные и партийные организации должны принять срочные меры к приему батраков.

«Правда» от 3 сент.

**Но... семьдесят тысяч „утечной“ волной
Могут хлынуть обратно при первой okazji.**

Тут мало, тут мало морали одной
При упорном, сплошном безобразии,
Разгильдяйстве хронически-злом, дуровластном,
На угольном фронте несчастном!

С новобранцами — точно! — беда:
На призывы — деревня почти что всегда
Преподносит нам кадры батрачества,
С отрыжкой кулачества.
Да, деревня дает новобранцев труда
Невысокого качества.
Но из этих ленивых, нестойких юнцов
Можно сделать бесстрашных, первейших бойцов,
И послать на любое геройское дело,
Если их воспитать, обработать умело,
Если им важность наших побед доказать,
Если в зеркале им их самих показать:
— „Вот какая вы братия — шаткая, валкая,
Вот как вялая ваша работа плоха,
Вот какая вы все деревенщина жалкая,
Вот какая у вас в черепах-требуха!
Если вы от работы намажете пятки,
Карачун вам, ребятки:
И в деревне вам тоже не будет добра,
Там ведь тож наступает другая пора,
Другие порядки!
Довольно мечтать: — „Эх, абы
Да кабы,
Да чтоб сами грибы...“
Довольно уже! Намечтались!
Мечты так мечтами остались:

„Лежать на печи,
Да есть калачи!“
Калачи только сказочной были едою,
В жизни ж чаще давились корой с лебедою,
И к помещику шли в кабалу, под бичи,
За гнилые, собачьи харчи!
Нет, слезайте, ребятушки, с печи!“

Вот пример в разъяснение приведенной речи:
Минувшей зимою, в февральский денек,
В рабочий денек, хоть был праздник церковный,
Поступил деревенский один паренек
На чугунно-литейный завод подмосковный.
Беднячок, ясно, не из богатых хозяев,
Алеша Мигаев.
Пришла весна, а за нею и лето.
Встосковался работничек наш по земле-то,
Ходит-бродит — не свой,
С больной головой,
Затуманенной,
Смотрит птицею раненой.
В деревню б ему, погулять бы в леске,
У реки полежать на горячем песке,
Ленивой рукой почесать у мошонки.
И вот стал наш Алеша в такой вот тоске
Сочинять, выводить на бумаге стишонки,
Царапать, коряво писать, не хитро,
А меж тем в них свое обнажил он нутро,
Все нутро деревенское, нудное,
До ужаса скудное:

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ МОЯ.

„Я сижу под окном,
В общежитии одном,
Далеко от родного селенья.
И хочется мне уехать скарей
Туда, где знакомы мне все деревья.
И долго я думал, с сабой рассуждал:
Куда же теперь мне деваться?
Но потом порешил я забыть обо всем,
Тут до осени жить аставаться.
Не бесцельная жизнь и работа моя.
Ну, канешна, вам стало понятнo,
Что раздевши совсем и разувши при том,
Было б ехать домой неприятно.
Не от жизни хорошей я приехал сюда.
И сестра тож в москве проживаить.
От судьбы ли зависит нль от жизни такой
Перемена большая бываить.
Мне б хотелось одно: был бы дом наш родной,
Не в большом, но хоть в среднем достатке,
Сестры, братья мои жили б вместе всегда,
И хозяйство чтоб было в порядке.
Вдруг заиграла гармошка.
А я все сижу под окном.
Ребята играют, пляшут, смеются,
Но я лишь мечтаю об одном:
Для чего я живу на чужой стороне,
И силы свои убиваю?
Для себя я нажить ничего не смогу
И квалификации никакой я не знаю.

Солнце садится за тучи.
А я под окном все сижу.
Кто ни поймет, что написано,
Приходите ко мне, я вам все расскажу“.
8 авг. 1930 г.

Ну, что может быть печальней?
Тоскует парень в стороне чуждадельней.
Пришел на завод с тощим животом,
„Раздевши совсем и разувши при том“, —
Тоска его гложет,
Что „для себя ничего поднажить он не может“,
Платят ему неважную монету,
Потому — „квалификации нету“.
Есть у парнишки
Тайные мыслишки.
Не совсем парень лапти плетет:
Лишнее слово замажет.
Кто всего не поймет, так к нему пусть придет:
Он словами доскажет.
Разберитесь-ка в этом герое!
Вот его откровенье второе:

ЖИЗНЬ МОЯ В ОБЩЕЖИТИИ.

— Вечер уже наступает.
Становится все холодней.
Из общежитья хотел бы я скрыться,
Подальше в лес от людей.
Надоело мне общежитье:
День и ночь все шумит здесь рабочий народ.
Встают они утром рано,

И гудят как чугунно-литейный завод.
Всегда мне одно здесь мешает:
Кубы кипячу я всегда.
Надо во время их приготовить.
Мне с работою прямо беда.
Нельзя отойти мне на время,
Чтоб в лесу посидеть, погулять.
Рабочие придут с работы
И будут меня все ругать.
Но время придет и свободно вздохну я,
Распрошусь с общежитьем тогда,
Нагуляюся сколько угодно,
Не терять чтоб свои молодые года.
Ах, зачем я попал на чужбину?
А затем, чтобы денег нажить,
Нарядиться, как можно, получше,
Патинки с костюмом купить.
Но и если купить не придется,
Все ж я скоро уеду домой,
Отдохну я в деревне спокойно,
Зимою на печьке родной!

10 авг. 1930 г.

Вот он деревенский наш „чужестранец“,
Заводской новобранец.
Приглядитесь к его любому стиху.
Весь парнишка тут, как на духу.
Завод ему, ясно, „чужбина“, —
Деревенский детина
Добудет новинки —
„Костюм и патинки“,

И задаст сразу тягу,
Повернувшись к заводу спиной:
— „На всю зиму залягу
На печке родной!“
Для него нет родней человечка,
Чем печка.
Что в сравнении с печкой родною весь мир,
Не то, что завод этот самый бедовый!
Перед нами стоит дезертир
Настоящий, готовый.
На заводе его испугали,
Видать, что ругали, —
Не втянул его, видно, чугунно-литейный
В круговорот свой рабоче-идейный.
Попадет парнишка в „утечку“,
Полезет в деревне на печку,
С печки упадет,
По деревне пойдет, —
По деревне пойдет,
На кулака набредет, —
Кулак ему скажет ехидно.
— „На заводе не пондравилось, видно?“
И начнет пареньку говорить,
Мозги ему ловко дурить:
— „Видал? Убедился?
Ты им не сгодился,
Ентим самым городским,
Заводским?
Не зачислили в КИМ,
В ударные роты?
Подох бы ты там от работы.

Из тебя там мотали б кишки,
Измывались бы грубо!..
Читал я твои, между прочим, стишки.
Верно! Сугубо!
Попу показал их намедни
После обедни.
Отец Гавриил
Так хвалил,
Так хвалил!
Прямо, сказал, гениеально!
Зело, мол, похвально.
Мол, юноша сей,
Божий раб Алексей,
Одаренный господом-богом
Столь прельстительным слогом,
Дивным даром письма,
Может нам пригодиться весьма.
Заходи ко мне, парень, случаем:
Потолкуем за чаем!“
Завлечет кулак обормота
В свои тенета.
Начнет Мигаев делать частушки,
Песни-коротушки
Под диктовку кулака-крокодила
И отца-Гавриила:

★

У дядченочки дела
Ды очинно сурьезные:
Двух близняток родила,
Ды говорит: колхозные!

★

Мы в колхозе не сидели,
Всю скотинку мы поели.
На курей теперь глядим:
Всех до перышек съедим!

★

Вот получится каков
Наш сочинитель запечный.
У деревенских кулаков
Есть тоже план „встречный“.
У нас — шансы, и у них — „шанцы“, —
У нас — новобранцы, и у них — новобранцы.
Вербовка пареньков
Для кулаков
И для совтреста
Из одного места.
От завода до кулака
Дистанция не столь уж велика.
У нас — успех, у кулаков — осечка, —
У кулаков — успех, так у нас — „утечка“.
Борьбу с этим коромыслом
Надо вести со смыслом,
С деловым проворством,
С большевистским упорством,
С пролетарской решимостью,
С боевой неутомимостью,
С точным учетом мелочей,
Каждой чуть видной детали,
Чтоб среди рабочих не заводилось „рвачей“,
Чтоб „летуны“ среди них не летали,
Чтоб рабочие не превращались в „гостей“,
Чтоб они не допускали разгильдяйства, вредительства,

Чтоб пронизала их вера до мозга костей
В победу пролетарского строительства,
Чтоб рос и креп наш подъем трудовой,
Чтоб в создании ценностей — не макулатуры! —
Закалялась упругая сталь волевой
Обновленной нашей мускулатуры,
Чтоб наш пафос дошел до крестьянской избы,
Чтоб ушли бедняки из кулацкой уздечки,
Чтобы крепла в них сила для труда и борьбы.
— Слезай, деревенщина, с печки!

«Правда» 7 сентября 1930 г.

„П Е Р Е Р В А“

На печи по дрова поехал,

Только б пить, да гулять, да дела
не знать.

Принялись гулять, так дни не считать.

Пей да людей бей, чтоб знали, чей
ты сын.

Послан для порядка, а воротился пьян.

С этого веселья каково-то похмелье.

Русский народ о себе.

(Пословицы).

Поэма — сверх-поэтическая,
До ужаса патриотическая.

★

В некотором царстве,
То-бишь, пролетарстве,
А именно в том, в котором
Увлекаются так Автодором,
На аэропланах перелетают в момент
Из Москвы в Ташкент,
Где старые темпы работы меняют,
Америку догоняют
И перегоняют,
В этом самом государстве,
То-бишь, пролетарстве,
В силу какого-то попущения
Основные способы сообщения,
Хозяйство, то-бишь, железнодорожное,
Пришло в состояние невозможное.
Куда ни посмотришь вдоль советской земли ты,
Улиты всё едут, улиты, улиты!..
Расписания — сами по себе,
А движение — само по себе.

Ловишь поезд, как будто комету.
Приладишься глазом к подзорной трубе:
Поезда нет,
Поезда нету!
Дежурный по станции рядом стоит.
Он что-то знает, но таит.
Средь пассажиров слухи рождаются,
Растут, подтверждаются.
Пассажиры, наконец, убеждаются,
Прочтя на бланковом листе
Телеграфное сообщение:
— „Поезд такой-то на такой-то версте
Потерпел крушение“.
— Опять?
— Опять!
— Мать-перемать!
— Хотелось бы знать,
Какая причина?
— Вот чудачина!
Какая причина!
Причина известная,
Повсеместная!

★

На станции Дно
Заведено:
Один стрелочник — на крестины,
Другой — на именины,
Сцепщик — пьяный с рассвету.
Дисциплины нету.
Профсоюз в стороне.
На станции Дно все на дне

Развал во всем штате.

А в результате.

...По неважным причинам не явились на службу 16/VIII два стрелочника, 17/VIII стрелочник и сцепщик, 18/VIII один стрелочник, 20/VIII три стрелочника и сцепщик Шулепов.

23/VIII свалили паровоз на кругу, свалили грузе-
ный вагон, другой груз. вагон разбили у семафора: машинист, подъезжая к вагону, ударил на полном ходу так, что побил все бжксы, сломал раму и повредил кузов. Оправдывался: паровоз неисправен. Осмотрели паровоз в полной исправности!

В Грозненском железнодорожном районе
На любом перегоне
В силу той же повсеместной причины
Пассажир может ждать досрочной кончины.
А Советский Союз — несчетных потерь
Из-за пьяниц, лентяев, растяп и тетерь,
Потерявших в этой замечательной местности
Остатки рабочей честности.

— В непорядке тормаз и ось.

— Доедем, авось!

— Ну, за дело, товарищи, дружно!

В срок не выполним — будет зарез.

— Пусть стараются те, кому нужно.

Нам какой интерес? —

Интерес у них есть — не рабоче-идейный,
А прогульно-питейный.

— Отвяжись ты!.. Уда-а-ар-ник!.. Доносчик!..

Шпион!..

— Что спешить? Не пожар. Докурю папироску.—
Не напрасно весь Грозненский славный район
Угодил на черную доску:

Вот Грозненский район, где полнейшая расхлябанность и падение трудовой дисциплины. Это подтверждает ряд преступно-халатных случаев. Так, прием поезда на разъезде Луковском на занятый путь привел к столкновению двух поездов! Оба сильно повреждены. На станции Черноярской свалено несколько вагонов при маневрах. На ст. Арчуне во время ветра ушел вагон, не подклиненный шпалой, и наскочил на идущий товаро-ускоренный поезд: вагон разбит, паровоз сошел с рельс. На ст. Терек — два приема поезда на занятый путь, на разъезде Осетиновском один прчем на занятый путь. На перегоне Галюгаевский — Стодеревская на 73-м километре поезд № 8695 простоял 11 авг. без толку, — при проверке сигналов смазчик Гаврилов был найден спящим в поезде. 22/VIII на разъезде Галюгаевском одновременно были пущены два поезда и только по счастливой случайности один поезд не налетел на хвост другого. На ст. Грозный при приеме двух поездов на занятый путь оба поезда были разбиты. На ст. Стодеревской вагон, угнанный ветром, порезал стрелку. Пассажирские поезда №№ 41 и 42, проходящие по Терской линии, хронически запаздывают, пассажиры из-за неимения мест сидят иной раз по пяти суток на станциях: район не беспокоится, чтобы выпустить товаро-пассажирский поезд. Сборные поезда бросают составы на ст. Ищерской и простаивают по два-три часа в ожидании бригады, что отражается на осенних перевозках. Несвоевременно подаются вагоны. Хронически болен Грозн. район отцепками в пути больных вагонов и массовыми обрывами на Терской линии.

И т. д. И т. д.

Нельзя умолчать о вредительском эле
В Ростовском железнодорожном узле,
Машинист пассажирского — парень угарный —
Пропустил семафор,
Пассажирский поезд наскочил на товарный.
Вот и все. После этого — спор
Машиниста и двух станционных дежурных
С применением слов нецензурных.
Машинист явно фактами к стенке прижат.
Но и мудрость начальства стоит под вопросом.
А вагоны разбитые грустно лежат
Под железнодорожным откосом!

Последнее крушение 23 авг. на станции Ростов-
товарная произошло из-за возмутительного разгиль-
дяйства. Дежурные по станциям Рост.-главн. и Рост.-
товари. не смогли как следует увязаться. А машинист
Доценко мчался с непопозволимительной скоростью, про-
летев семафор без остановки. Разбито 9 вагонов и
попорчено масса ценного груза. Рабочие Ростовск.
узла требуют суда.

О Томской дороге писать,
Что под пьяную музыку плясать.
Околоток „пятьдесят восемь“.
Милости просим
К завконторой, Блохину Семену, —
Почтить его персону:
Именинник раб божий Семен, —
Пьяница с незапамятных времен,
Беляев, завоколотком,
В приятельстве с ним коротком.

Техник Лисов — к выпивке привычный —
Тоже друг закадычный.
Герой, так сказать, на герою.
Сошлись все трое
В высокаторжественный день,
День именинный,
Сытный и винный.
Теплый день, гостеприимная сень:
— С анделом, Сень!
— Поздравля-я-я-я-ем!
— Ж-жи-ла-а-а-а-ем!
— Спасибо, родные, спасибо.
Не угодно ль по-русски... —
Уселися возле закуски.
Хватанули вина.
— Потчуй, ж-жена!...
— Кум-ма!...
— Отвяжись, сатана!...
— Коль сла-а-а-вен наш госпо-о-о-о-о-одь в
Сионе!..
— Мань!..
— Отстань!..
— Помнишь, как мы в вагоне?..
— Муж услышит, бесстыд...
— С-се-ня!... Д-р-р-р-руг!... Нет друзей таких ноне,
Р-р-растуды-т...
— Господи сил, с нами бу-у-у-ди... —
Добрые русские люди!
Хватанули винца.
Разобрала их сивуха.
Поблевали во имя отца,

И сына и святого духа,
Пьяная водка,
Церковная икотка,
Отрыжка старины.
Водка хуже белены.

Чтоб не растягивать момента,
Цитирую корреспондента.

12 августа наша администрация засела часов в 9 утра и пока не осушила всех бутылок не вылезла из-за стола. Время рабочее. Приходит рабочий зачём-либо в контору и вследствие такого веселого настроения администрации не добивается толку. На ст. Широ в этот день ливнем размыло путь. На размыв надо было в срочном порядке подать балласт. Зав. околотком Беляев приходит пьяный в дрезину и начинает крыть десятника. А сам заваливается спать здесь же в карьере. Десятник Владимиров, высунув язык на губы, бегаёт по поселку, собирает рабочих для погрузки балласта. А рабочих в карьере всего 7 человек. Беляев, проспавшись малость, встал, протер глаза и преспокойно двинулся домой, где опохмелившись, завалился опять после трудов праведных спать. Рабочим — соблазн. Есть в карьере балласт или нет, заведующий не беспокоится. Зав. конторой, пьяный, как стелька, поёт в конторе песни и кроет матом рабочих. Вот где ударные темпы!

★

Сообщают со станции Укерей:

—Примите меры скорей!

Осенние перевозки в опасности!—

Предаю безобразия гласности:

В 8—10 килом. от ст. Укерей за пять дней случилось три крушения, нанесшие транспорту миллион-

ные убытки. На разъезде Гяур нечетный товарный прошел разъезд без тормазов (бригада мала) и налетел на четный товаро-пассажирский. Выведены из строя два паровоза и шестнадцать вагонов. Другой товарный потерпел крушение, наехав на обвал: слаба работа охраны путей. Третье крушение: товарный наехал на дрезину-качалку. Здесь крушение произошло по вине головотяпов и нанесло громадный ущерб стране. Дежурный по станции выпустил дрезину с рядовым рабочим за 18 минут до прихода поезда. Медработник ст. Укерей, проезжая разъезд, не оказал медпомощи, а пропьянствовал, что заставило выслать другого медработника на дрезине. Это крушение задержало движение поездов на сутки. Разбита масса вагонов. Есть тяжело раненые сотрудники дороги. Пришлось делать обводный путь. А паровоз вынимали трое суток. Вот что творится вокруг Укерей! Вот как ликвидируют прорывы! Труddисциплина безобразно слаба. 6 августа сняли пьяную бригаду главного кондуктора Акуминчева. Сокращенные кондуктора и другие рабочие категорически отказываются от работы на пути и в угольном складе. Часто и бесцеремонно кроют матом предс. МК. Попал под этот «дождик» и дорожный инструктор. Положение тревожное. Осенние перевозки в опасности.

Что ни крушение, то „по вине“,

„По вине“.

Большей частью все дело в вине.

Обходится нам дорогонько оно,

Вино!

Еще пьяная компания

Рабочего звания, —

Компания эта, все забросив дела,

Трупами легла После пьяного соревнования:

Дорожные сторожа Политов и Гладышев, переездной сторож Потехин и ремонтный рабочий Тверитнев 3 авг. во время исполн. служебн. обязанностей начали соревнование: кто больше выпьет. И перепились до того, что подсчитывать результаты пришла милиция.

Монтер восточного депо ст. Дебальцево-сортировочная Владимир Дощечкин 12 авг. явился на работу совершенно пьяным.

Слесарь передвижной мастерской 3-го района Зыбин Петр с 22 по 31 июля числился больным по бюллетеню, но это ему не мешало ежедневно в буфете станции и столовой Нарпита пьянствовать. 27, 28 и 29 он был, что называется, мертвецки пьян.

Володя Дощечкин — монтер —
В пьяном виде на службу припер.
Толку много ли в пьяном монтаже?
Добросовестней было бы даже,
Все нутро свое проспиртовавши с утра,
Насчет службы монтеру уже не ловчиться.
У Зыбина бы у Петра,
У слесаря надо б ему поучиться:
Тот, добыв бюллетень на неделю,
Не вылезал неделю из хмелю,
Сидел день-денской
В пьяной столовке, в нетрезвом буфете.
Стряслася какая беда в мастерской,
Так он не в ответе:
Был болен бедняга как-раз в этот день.
Вот бюллетень!

Кто — волынит, кто — в дьянстве неистов
Вот пример: пьяный вид активистов.
Организованно пьют, коллективно,
И на редкость активно.
Так наполнили спиртом свои черепа,
На такую однажды взобрались точку,
Что со слепу усыновили... попа,
Не то... его дочку:

Наши прекрасные «активисты», как ДСП ст. Кирнасовка Ю.-З. ж. д. Мисевич, ДС той же ст. Двукраев и экспедитор сахарн. завода Ольшанецкий, очень активны лишь за рюмкой. Как только у них выдастся подходящее время, сейчас же едут в Вапнярку, где пьянствуют, а иногда спиртного и домой прихватывают и хлещут целыми ночами. 6 августа Мисевич явился на дежурство таким пьяным, что от него на всю станцию разлило водкой. Но это не все. Мисевич привез с собою какую-то родню поповской породы, везде ее продвигает, даже усыновить хотел, а ДС Двукраев ему помогает, так как тоже любит поповскую породу.

Вот еще, наконец.
Образец,
Которому трудно найти объяснение.
Пред нами — вредитель, потерявший стеснение.
Вредитель тупой
И слепой?
Не понять! Но вредитель — отменный,
Хотя не какой-либо аристократ,
А „свой брат“,
Сцепщик обыкновенный.

**ПОПЫТКА ДЕЗОРГАНИЗОВАТЬ РАБОТУ НОВОРОССИЙСКОГО УЗЛА
РАБОЧИЕ ТРЕБУЮТ СУРОВОГО НАКАЗАНИЯ ВРЕДИТЕЛЯ.**

Новороссийск, 8 сентября. (Роста). Наднях сцепщик Землянухин, не имеющий никакого отношения к паровозам, забрался ночью на паровоз № 683/21, стоявший на кругу, снял тормазную ручку и пытался открыть пар. Сделано это с той целью, чтобы задержать выход паровозов под поезда, так как паровозы должны были идти только через этот круг. Задержка выхода паровозов нарушила бы расписание, создала бы заторы по всей линии Новороссийского узла. Землянухин был пойман на месте преступления и арестован. На узловом собрании железнодорожники резко осудили поступок Землянухина, исключили его из членов союза и требуют применения к нему самого сурового наказания.

Что заставило сцепщика этого
Превратиться в прохвоста отпетого?
Землянухин, видать, не под пьяным наркозом
Стал куражиться над паровозом?
Был он на машиниста, быть может, сердит?
Иль иная его обозлила обида?
Не ясно. Пред нами, однакож, бандит,
Беспорно, подлейше-отвратного вида.
Он на службе. Он враг осторожный.
Он сорвет тихо тормаз и выпустит пар,
И... этим весь узел железнодорожный
Поставит под тяжкий удар.
Рабочие требуют кары не даром:
Беспощадным ответить должно контр-ударом!

Полюбуйтесь! Вот они все
В обнаженной, народной, расейской красе!
Работяги-миляги расейского типа!
Липа!
Липа!
Эга липа выросла на расейском болоте.
У неё есть своя родовая черта:
Недобросовестность в каждой работе
Испокон сердцевине ее привита.
Добросовестность — это у немцев,
У иноземцев.
Мы смеялись над этим „не нашинским“ качеством,
Называли чудачеством:
Мы — тят-ляп,
Вышел карап,
Ни на что не похоже.
Доб-ро-со-вест-ность! Выдумал тоже!
И доселе средь наших рабочих прослоек
Этот самый неряшливый липовый слой,
Как сорняк безобразный, живучий,
Колючий,
Разнузданно-злой,
В своих темпах расейских упорен и стоек.
Наш работничек липовый злится, бодается,
Озверело кидается
С молотком иль стамеской
На того, кто ему переменою резкой
Его темпов родных угрожает,
Кто ему повольничить мешает,
Посидеть,
Покряхтеть,

Козью ножку вертеть,
Час в уборной дежурить,
Два — в курилке торчать,
У станка балагурить
Или злобно ворчать!
— А, приятель, здорово!
— Епишкин, здорово!
— Инженер-то, япошка, у нас все мудрит?
— Японизацию вводит, едрит...
— До чего надоед, сукин сын!
— Одно слово,
Я его задушил бы своею рукой! —
На станции — здесь, под Москвой, — на Перово
В ремонтной жел-дор-мастерской
Намедни, к примеру,
Японскому опытному инженеру
Работяга такой,
Любитель прохладцы,
Стал грозить: — „Не могу надрываться так, братцы,
Как нас учит вот эта раскосая кошка,
Распроклятый япошка!
Не так гайку верчу, не так масло я лью,
У станка стану так — весь порядок нарушу.
Не стерплю, если снова пристанет! Убью,
Растуды его душу!“
И японца на прошлой неделе
Он едва не убил, в самом деле.
Со стамеской полез!
Вот как лодыри люты!
А японца такого мы ценим на вес
Не только валюты.

Добросовестный" спец-иностранец
Немец, американец
Иль японец, как в случае этом,
Всяк, кто делится с нами важнейшим секретом,
Как работу умело и честно вести,
Должен быть у рабочих в немалой чести:
Не стамеска убийцы должна быть ответом
Иностранному спецу за честный показ.
Нет, убрать надо с глаз
И пред всю страну обесчестить сурово
Всех, кто злобно позорит рабочий наш класс
И вредит нам не только в Перово.
У меня ль одного содрогаются нервы
От услады читать каждый день, каждый день,
Вот такой бюллетень,
Как сегодня известье с Перервы:

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ КРУШЕНИЕ.

Вчера, в 3 ч. 45 мин., на платформе Перерва, Моск.-Курск. жел. дор., произошло крушение поезда. Пассажирский поезд № 52, шедший из Курска, столкнулся с пассажирским поездом № 64, стоявшим в ожидании отхода. В результате поезд № 64 пострадал. Есть человеческие жертвы. Причина крушения — небрежность бригады поезда № 52, не остановившей поезда, несмотря на то, что семафор был закрыт. Бригада поезда № 52 арестована. Арестован также заместитель начальника 1 района.

На место катастрофы выехала следственная комиссия.

— „Причина: крушенья — небрежность бригады“.
Калеки! Убитые! Стоны и кровь!

Враги, нашей гибели ждущие гады,
Прочтут о Перерве и будут так рады;
Так рады,
Так рады:
— „Крушение вновь!“
И ждать, будут ждать: за Перервою первой,
Если дальше позорно так дело пойдет,
Наш советский-де строй сам собой пропадет,
Сокрушивши себя все советской Перервой!!

«Правда» 10 сентября 1930 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ

Поэмы «Слезай с печки!» и «Перерва» — это не простые фельетоны очередного характера: в них слышится взволнованный отклик энтузиастических сил страны Советов. Первый и неутомимый ударник — поэт пролетариата Демьян Бедный — подает свой мощный голос, клич пламенного сердца.

ЦКВКП(б) в своем знаменательном обращении от 3 сентября 1930 г. призывает все силы партии, все силы рабочего класса сосредоточить на выполнении промфинплана, на обеспечении программы третьего года пятилетки. Демьян Бедный воплотил призывы партии в поэтические образы, и, перекликаясь с вдохновенными борцами, с ударниками, гремит во всю мощь об опасностях, подстерегающих нас на социалистическом хозяйственном фронте.

Поэт избрал центром своего внимания сердце индустрии — угольную промышленность, а также артерии хозяйственного организма — транспорт. Этим отнюдь не ограничивается его задача: в ближайших произведениях он остановится также на прорывах в области культстроительства, жилстроительства, в области легкой индустрии и пр. Все это составные части одной большой темы, которая, естественно, не может ограничиться лишь одними прорывами: в последующих фельетонах Демьян Бедный остановится на достижениях и перспективах.

«Преодоление стоящих перед нами трудностей прежде всего зависит от нашей работы, от нашего умения вести последовательную и непримиримую борьбу с расхлябанностью, разгильдяйством и бюрократизмом в наших органах и осо-

бенно от нашей способности мобилизовать рабочий класс, являющийся источником быстро растущей и прямо неисчерпаемой революционной энергии для дела борьбы за коммунизм». (Из обращения ЦКВКП(б) от 3 сентября.) Если дело обстоит так, то поэт рабочего класса не в силах молчать: гневно, с плеча, он выворачивает наружу типические случаи разгильдяйства, расхлябанности, пьянки, прямого вредительства.

В фельетонах, помещенных в данном сборнике, удачно соединены директивы партии: с одной стороны, дать сокрушительный большевистский отпор всем косным силам, с другой — стать во главе бурно растущей активности рабочего класса.

Ваал — высшее божество у финикийян и вавилонян. Служение ему сопровождалось иногда человеческими жертвоприношениями. В переносном смысле Ваал — символ погони за материальными благами, символ жадности и жестокости. Отсюда выражение «Капиталистический Ваал».

Бедлам — так называется старинный дом для умалишенных в Лондоне. Отсюда в переносном смысле Бедлам — значит сумасшедший дом.

Четверостишие:

Кто царь-колокол подымет?

Кто царь-пушку повернет?

приведено здесь из стихотворения бездарного поэта Ф. Глинки; это патриотическое стихотворение назойливо повторялось во всех хрестоматиях дореволюционного времени. Облик царской России, кичившейся мнимыми достижениями, облик страны, гордившейся никудышными чудесами вроде царь-пушки, которая не стреляет, и царь-колокола, который не звонит, в высшей степени характерен. Об этом не раз упоминалось в русской оппозиционной публицистике, начиная с А. И. Герцена. Демьян Бедный завершает логическую картину, увенчивая ее обобщающим художественным образом универсального знака — царь-воль.

А. Ефремин.

